

ГЛАВА 1

С чего начать рассказ о тех временах? Ныне я стою перед грудой обрывочных воспоминаний и не знаю, за какое ухватиться. Да, тогда все талдычили о «пузыре»* — это слово стало символом эпохи, — но для мира «по ту сторону» оно было лишь модным термином. Для таких, как я, у кого не водилось лишних денег даже на мелкие радости, оно ничего не значило, поскольку не вмещало целый пласт нашей жизни.

То были годы, когда общество словно парило в невесомости. Казалось, сама земля — золотое дно: чем чаще ее перепродаешь, тем богаче становишься. Цены на квартиры в центре Токио взлетели до сотен миллионов иен, а в Синдзюку без устали орудовали спекулянты, занимающиеся скупкой земли. Развлекательные кварталы пестрели закрытыми барами. На их дверях висели таблички с загадочными названиями фирм, обещавших, что вот-вот начнется «перестройка». На спекуляциях и рискованных сделках с недвижимостью одни возводили себе настоящие дворцы, а другие теряли последнее, что у них было.

* Речь идет об экономическом пузыре 1980–1990-х годов в Японии. *Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.*

Для меня та эпоха была нескладной и тяжеловесной, похожей на путь по бесконечному лабиринту, где каждый поворот упирался в глухую стену. И чем громче вокруг твердили о светлом будущем, тем острее я ощущал собственные одиночество и ненужность. Однако именно в этих смутных, полутемных днях — среди суеты и обмана — были посеяны зерна историй, которые позже проросли и навсегда изменили мою жизнь.

Эту историю, которая, возможно, покажется длинной, я начну с одного вечера в случайном баре. С игры. Кошачьей азартной игры. Когда я наконец разглядел, чем увлечен мой сосед по стойке, меня вдруг накрыло ощущением, которого я давно не испытывал: тем мучительным, щекочущим чувством, когда смех рвется наружу, но ты из последних сил вынужден его сдерживать. А еще я испытал странное, почти забытое тепло, которое зародилось в груди, словно крохотный живой комочек.

Бар был до неприличия узким, вытянутым и обшарпанным, как старый вагон. Места для вещей не оставалось: прямая стойка, один ряд сидений и гости, словно горошины в тесном стручке, плечом к плечу. За спиной сразу шла стена. Удобно, если захочется откинуться, но стоило сесть кому-то покрупнее, и проход исчезал. Каждый раз, когда кто-то пробирался к туалету, весь бар будто участвовал в странной хореографии: люди приподнимались, извивались, поджимали колени — целая коллективная зарядка в миниатюре. И все же именно в этой нелепой тесноте начинались разговоры между соседями. Здесь сверкали кошачьи глаза. Здесь происходили встречи, которые меняли чьи-то судьбы. Здесь я оказался лицом к лицу с проблемой, от которой уже нельзя было сбежать.

Синдзюку я знал еще со студенческих лет: забегал в книжные лавки, рыскал по магазинам с сиди-дисками, изредка — из любопытства — бродил мимо кварталов любовных отелей. Но целиком этот район был для меня чужой. Спиртное, например, я пил только в одном месте, как завещал мой школьный учитель литературы.

— Что есть человек? — любил повторять он, щурясь.

И однажды, держа мел в руке, нацарапал на доске: «Золотая улица, Синдзюку».

— Вот где должен пить тот, кто едет в Токийский университет, — уверенно заявил он.

Поговаривали, что спекулянты положили глаз на земли Золотой улицы и ее вот-вот снесут. Но две сотни крошечных баров по-прежнему стояли плечом к плечу, дышали смутным шумом былых времен и упрямо не сдавались. Этот крошечный район пережил даже послевоенную разруху. Пьяницы, устав от одного заведения, перетекали в соседнее, потом в следующее, совсем как мотыльки, летящие на каждый новый огонек. Для пьяного брожения хватало и этого пятачка. Денег у меня было мало, но, выпив, я тоже начинал скитаться. Хозяева и мамы Золотой улицы никогда не смотрели на таких, как я, свысока и говорили со мной запросто, на равных. Ради этих разговоров я и кружил по их крошечной вселенной — от «Красной звезды» к «Голубой», от «Голубой» к «Белой», по кругу в радиусе всего пятидесяти метров. Поэтому в знаменитые кварталы Синдзюку—Ни-темэ, Сан-темэ или в районе театра «Кома» — я почти не заглядывал. А в тот узкий бар, притаившийся чуть в стороне от Золотой улицы, зашел совсем случайно. В тот день мне просто хотелось пить. Я был в отчаянии.

Все во мне, от макушки до пят, дрожало от тревоги, и я ненавидел себя.

Свободный сценарист, чьи шутки не находят отклика, бесполезнее дырявой пивной кружки. И всему виной то проклятое совещание на телестудии «Акасака»*. Перед продюсерами и директорами я буквально сжимался в размерах, пока в конце концов не испарился из кресла. По крайней мере, мне так показалось. За одну ночь я состряпал пятьдесят вопросов для викторины, но в эфир взяли только один: «Хативарэ, сабатаора, кидзитора. Что это за виды?»** Остальные сорок девять директор, скривив губы, отправил в мусорку.

— Что-то не то, — сухо добавил он при этом. — «Выберите верное определение кризиса: 1) когда тебя не выбирают и ты не можешь этого изменить; 2) когда вынужден выбирать то, что не хотел; 3) когда остается только пить и спать». Ты вообще понимаешь, что это не викторина? Ты в принципе не в теме! — Он напоминал человека, жующего ржавый гвоздь.

Я отвел взгляд.

— Простите.

Без малейшей надежды на восстановление душевного равновесия я брел под мутным апрельским небом, похожий на пустую оболочку. В туалете станции «Акасамицукэ» зеркало отразило не меня, а восковую фигуру из музея мадам Тюссо. Похоже, я оставил в конференц-зале не только силы, но и мимику. У меня не было

* Имеется в виду крупная телекомпания в районе Акасака (Токио), один из центров японской медиаиндустрии.

** Хативарэ, сабатаора, кидзитора — виды кошачьих окрасов.

ни девушки, которая могла бы утешить, ни слова, которое могло бы меня согреть. Оставалось только напиться.

Восковая кукла доехала по линии Маруноути до станции «Синдзюку-сантемэ». Толпа выплюнула меня на улицу, и я пересек проспект Ясукуни. До ночи оставалось еще несколько часов. Небо над Синдзюку напоминало разведенный пищевой краситель, а Золотая улица еще дремала после обеда. Вывески тускло мерцали, закрытые бары зияли пустотой, переулки тонули в сине-черных тенях. Я двинулся в сторону квартала любовных отелей Кабуки-тё — возможно, желая просто отвернуться от пейзажа, слишком похожего на собственное внутреннее состояние.

И вдруг среди руин снесенных отелей я увидел ее — забегаловку с красным фонарем. Лампочка внутри мерцала сквозь дыры в абажуре, словно маяк из преисподней. За стеклянной дверью у стойки сидело несколько человек. На фонаре значилось загадочное: «花梨花». «Каринбана»? Или, может, «Каринка»? Как в русской народной песне?* Что ж, вдруг здесь и правда подают русскую кухню под аккомпанемент хора Красной армии?

Я уже размышлял, не превратит ли это в тему для ток-шоу, когда потянул за ручку. Дверь скользнула в сторону. Так я и встретил человека, который изменил мою жизнь. Но об этом я расскажу чуть позже, в свое время.

* Речь идет о русской народной песне «Калинка-малинка». Поскольку в японском языке нет звука «л», по-японски название этой песни звучит как «Каринка-маринка».

Едва я переступил порог заведения, как мне в уши ударил вовсе не хор, а хриплый блюз, похожий на предсмертный стон выбросившегося на берег кашалота. Downtown Train Тома Уэйтса. Хотя нет, не об этом речь. Правильнее будет сказать так: все началось с кошачьих гонок.

Это был мой первый визит, и я, разумеется, немного нервничал, протискиваясь сквозь стеклянную дверь. Молодая женщина за стойкой кивком велела пройти дальше. Неловко сгорбившись, я продрался вдоль длинной барной стойки. Чтобы дать мне дорогу, трое посетителей изобразили что-то вроде акробатического этюда. Я заказал тюхай* — соджу с содовой, — повернулся к стойке и сделал первый глоток.

— Я Анэго, — представился один. Насколько я знал, это означало что-то среднее между братаном и боссом среди жителей токийских подворотен с сомнительной репутацией.

— А я, значит, Президент, — откликнулся другой.

Я не понял ни слова из их последующего разговора.

Тот, что назвался Анэго, оказался мужчиной лет пятидесяти с панк-прической, торчавшей словно гнездо ястреба. На нем были темные очки, а при разговоре блеснула золотая коронка на левой стороне челюсти. Говорил он густым, резким диалектом, но я не смог определить, каким именно.

Президент выглядел чуть старше меня (мне тогда было двадцать семь): тощий парень с длинными, окрашенными в каштановый цвет волосами и в футболке с принтом

* Тюхай — коктейль на основе соджу и газированной воды, часто с фруктовыми добавками.

гитары Les Paul. Не знаю, был ли он настоящим музыкантом, но выглядел так, будто имел к этому хоть какое-то отношение. Если не считать, конечно, что на нем были джинсы с обнаженными щиколотками и гэта — деревянные сандалии. Да и лицо у него оказалось такое же угловатое, как эта обувь. В моей голове он мгновенно закрепился под кличкой Гэта-рок.

«Гнездо ястреба» — тот самый, с золотым зубом, — покопался в своей черной потрепанной сумке, словно у сборщика долгов, достал ручку и на обороте бумажных оберток от палочек для еды нацарапал: «Анэго», и напротив: «Президент».

Они чокнулись кружками пива с логотипом «Хоппи»* и тут же перешли к пересудам.

— У этого парня сын, говорят, толковый. Скоро поедет учиться в Азербайджан, в какой-то университет, — сказал Гнездо.

Гэта-рок понизил голос:

— В Азербайджан?

— Ага. После развала Союза куча мелких стран появилась. Азербайджан — одна из них. Нефтяная — значит, еще важной станет.

— Хм... А этот их умник знает, что его батя разгуливает по Синдзюку в таком виде, что все головы сворачивают?

История была, надо признать, занятная. Но я-то в этом баре очутился впервые, да и сам себе казался ничтожеством. Все, на что способен, — сочинять викторины для помойки. Поэтому я сохранял каменное лицо,

* «Хоппи» — популярный в Японии безалкогольный пивной напиток.

медленно поднося кружку ко рту. Хотя по барным законам, даже не поворачивая головы, я отлично чувствовал их позы: расслабленные, но с налетом театральности.

Разговор об отце и его выходках набирал обороты, но ни Гнездо, ни Гэта-рок даже не смотрели в сторону друг друга. Они слегка вытянули шеи, уставившись куда-то по диагонали вверх. Похоже, их внимание привлекло небольшое окошко в стене, ведущее на кухню. Возможно, когда-то там стоял кондиционер: крошечный проем был идеального размера. Если не считать стеклянной входной двери, это был единственный источник света извне. Но за окном не было ничего примечательного, только бетонный забор и кирпичная стена соседнего здания. Самое обычное окно без умопомрачительного вида. И все же я не понимал, почему они так пристально туда смотрят.

— О-о! — воскликнул Гнездо, вскакивая с табурета, когда с кухни вынесли его тушеный рамен*.

Принимая дымящуюся пиалу, я тоже про себя повторил: «О-о!»

За окном сидел кот. Черно-коричневый, полосатый — классический кидзитора**.

— Есть! Это же Президент! — Гэта-рок вскинул руку в победном жесте. Его крик насторожил кота, и он прижал уши. На морде виднелись свежие царапины, а круглые глаза сияли янтарными кольцами.

— Президент! Это точно он!

— Погоди, ты уверен?

* Рамен — японское блюдо с лапшой в мясном или рыбном бульоне с добавками в виде зелени или вареных яиц.

** Кидзитора — японский термин для обозначения полосатых кошек с коричнево-черным окрасом.

Полосатый кот переводил взгляд с одного посетителя на другого, будто кого-то выискивал. Вдруг он остановился на мне. В его глазах мелькнуло выражение: «С вами смертельно скучно», и кот исчез.

— Ну и Президент! — Гнездо цокнул языком и толкнул локтем своего собеседника. Тот состроил обиженную мину. Затем Гнездо снял очки и повернулся ко мне с мутной ухмылкой, явно ища поддержки в моем лице. Золотой зуб блеснул. Глаза его казались крошечными, не больше косточки хурмы.

Тут-то я понял: они действительно что-то ставили на появление кота в окне. Вот они, особые «кошачьи игры». Неожиданно тесная забегаловка превратилась для меня в настоящий кошачий театр! Благодаря этим двум игрокам и круглым глазам полосатого кота мир будто переменялся. Даже лицо Гнезда без очков выглядело другим. У меня защекотало в животе, и я несколько раз сжал пальцы ног, чтобы не рассмеяться.

— Ты уверен, что это был Президент?

— Конечно Президент! Ты видел его глаза? Это точно он.

— Хотя в округе таких полосатых всего двое. Второй...

— Управляющий, кажется. Но у того одно ухо изодрано, все в зазубринах и шрамах. А у этого оба уха торчком. Это точно Президент.

«Управляющий? Интересно. Как выглядит этот загадочный кот?» — промелькнуло сначала в моей голове, а потом вопросы посыпались один за другим: «Все ли клиенты здесь делают ставки на котов?», «Неужели эта забегаловка — редчайшее в мире кошачье казино?», «Какие тут коэффициенты?». И пожалуй, самый главный вопрос, который заинтересовал меня, заключался

в следующем: участвует ли в этом переодетый в женщину отец некоего умника?

Моя подавленность после визита в телецентр в Акасаке растаяла вместе с паром от рамена. Внутри будто лопнули несколько пузырьков с теплой жизнью, и я впервые подумал, что переезд в Синдзюку был лучшим решением. Я снова оглядел заведение. У входа на кухню висела маленькая доска с меню. Единственная работница — девушка лет двадцати — металась между грилем и мойкой.

— Юмэ-тян*, я проиграл, так что угости этого парня пивом за мой счет. Что еще хочешь?

— Ну... — замялся Гэта-рок, бегло просматривая меню. — Еще набор якитори**.

— Тьфу. Ну ладно. Тогда добавь к моему счету все, что он только что заказал.

Юмэ. Значит, так ее зовут.

Имя отпечталось у меня в ушах.

— Опять спорили? — спросила она.

Юмэ подошла с новым бокалом, наполненным льдом и сётю***. На ее лбу выступили капельки пота.

— Ну вот, Президент объявился. Мы снова в пролете, — проворчал один из них.

— Гм. А он нечасто показывается, — заметила Юмэ довольно равнодушно.

Она наклонилась, поставила бокал на стойку и залила в него пиво. Сётю внутри вспыхнул янтарными бликами.

* Суффикс «-тян» выражает ласковое или дружеское обращение.

** Якитори — шашлычки из курицы.

*** Сётю — крепкий алкогольный напиток, обычно крепостью 25–30 градусов. Его часто разбавляют водой, газировкой или «Хоппи».

Все остальные посетители пили то же самое — похоже, «Хоппи» в этом месте был выбором по умолчанию.

— Давненько не выпадало мне выиграть, — Гэта-рок довольно улыбнулся, пригубив из свежего бокала. — Благодаря Президенту мне сегодня перепадет выпивка.

— Да ну? — отстраненно спросила Юмэ. Гэта-рок улыбнулся ей, но она осталась неожиданно холодной. Приложив к вспотевшему лбу влажное полотенце, Юмэ уточнила:

— Набор якитори вам с солью или с соусом? — И снова скрылась у гриля.

«Наверное, она из тех, кто редко улыбается», — подумал я тогда. Так сложилось мое первое впечатление о Юмэ. Раз уж она признала, что коты появляются редко, можно было хотя бы слегка улыбнуться выигравшему счастливчику! Из вежливости. Но... возможно, ей просто было не до этого. Эта мысль тоже промелькнула у меня в голове.

У гриля, где ярко пылали угли, Юмэ вся вспотела. Но заказы продолжали сыпаться один за другим. Прогрывали ли ставки на котов, выигрывали ли — какая, в сущности, разница?

А я, внезапно заинтересовавшийся этой тесной забегаловкой, последовал примеру соседей и заказал «Хоппи». Юмэ, с капельками пота на лбу, протянула мне бокал с сётю и бутылку солодового напитка для разбавления.

— Э-э... извините, — глупо, конечно, но я не удержался, — название вашего заведения... читается как «Каринка»?

— Да, но вообще...

— Вообще?

— Читайте как хотите.

— То есть?

— Как угодно.

Даже дежурной улыбки не последовало. У Юмэ был странноватый голос, чуть шепелявый, словно выдыхаемый. И лицо выглядело особенным: узкий разрез левого глаза пристально изучал меня, тогда как в чуть округлом правом будто вовсе не было моего отражения.

«Как угодно». Это звучало загадочно. Я украдкой наблюдал, как она возвращается к грилю. Нет, Юмэ не выглядела ни злой, ни упрямой, но в ней ощущалось нечто ускользающее, словно прозрачная пленка наступающих сумерек уже легла на ее лицо.

Я выпрямился на табурете и заказал набор якитори, как у соседей.

— С солью или с соусом? — спросила Юмэ, не отходя от гриля. Я всегда терялся на этом вопросе и в тот день тоже неприлично долго колебался, а потом все же пробормотал:

— С солью, пожалуйста...

Вскоре она принесла нам по тарелке. Снова наклонилась, чтобы поставить их на стойку. Юмэ была миниатюрной. Сидя, я видел ее почти на уровне своих глаз. Может, поэтому лицо ее казалось таким притягательным.

— Ну что, в следующий раз ставлю на Тото! — оживился Гэта-рок.

— Хм... на хативарэ?* Тогда я выберу Поппа.

— О, так это же черный кот!

Соседи, похоже, уже начали новую партию ставок, закусывая якитори. Слово «хативарэ» застряло у меня в голове. Так в Японии называли кошек с двухцветной

* Хативарэ — название окраса котов с белой отметиной на морде.

шерстью — белой и черной, с характерной отметиной на лбу в форме цифры восемь. В мою квартиру в Такаданобаба тоже иногда заглядывали кошки. Я их, признаться, люблю. Да и для викторин мне приходилось штудировать «кошачью матчасть», так что термин «хативарэ» был мне знаком. Но вот откуда этим парням известны такие специальные названия и клички местных котов, которых время от времени можно заметить у окна, оставалось загадкой.

— Юмэ-тян, якитори просто объедение! — крикнул в сторону кухни Гнездо, запихивая в рот очередной кусочек.

Юмэ, стоявшая у гриля, мельком взглянула на него и только коротко отозвалась:

— Да?..

И ведь правда, якитори были изумительными!

Курочке, конечно, пришлось пожертвовать собой, но и грудка, и лук с печенью, и желудочки, и хрустящая шкурка, и мясные шарики — все оказалось настолько вкусным, что впору было ставить высший балл. Каждый кусочек прожарен идеально: сочный, насыщенный соком и умами*. По соли все тоже было безупречно. Она не перебивала вкус, а словно ласкала рецепторы именно так, как хотелось. И каждая шпажка чудесно сочеталась с «Хоппи».

— О-о! Да что ж такое! — Гнездо снова привскочил на табурете.

Я нехотя оторвался от якитори и поднял голову. Солнце уже село, но свет из заведения падал на бетонный забор

* Умами — так японцы называют «пятый вкус», который можно описать как мясисто-бульонный, насыщенный и глубокий. Характерен для соевого соуса, бульонов и жареного мяса.

за окном. Там сидел кот, белый. Его шерсть под ламповым сиянием переливалась словно тончайшая парча. Голубые глаза были широко раскрыты, внимательно следя за происходящим внутри.

— Черт возьми!

Спорщики вскинули головы к потолку, но Гэта-рок, недавно одержавший победу, с напускной небрежностью произнес:

— Королева... сегодня ты восхитительна, как всегда.

— Да какая она Королева?! Это же Бриф.

— Не, у Брифа сопли вечно текут. Да и давно его не видно.

— Серьезно? Ты уверен? Эй, Юмэ-тян, это Королева или Бриф?

Гнездо ткнул пальцем в окно, где секунду назад сидел кот, но Юмэ, занятая жаркой новых шпажек, не сразу откликнулась. А пока они спорили, белый кот уже исчез.

— Юмэ-тян... а сегодня ведь нет этого, — протянул Гнездо жалобным голосом, указывая на холодильник. — Ну... кошачьего... ты понимаешь.

— Если хочешь посмотреть — повешу.

Юмэ присела у холодильника. Рядом тянулась полка с папками, зажатые между картонками и блокнотами. Пока она копалась там, Гэта-рок бросил ей в спину:

— Да я вроде все имена помню.

Ничего ему не ответив, Юмэ достала лист бумаги. То, что на нем было изображено, врезалось в память с ощущением «ну вот, попался», а затем — вспышкой чистой радости. Думаю, я никогда этого не забуду. Даже сейчас я могу вызвать тот момент в памяти ярче, чем вчерашний ужин. Мой мир перевернулся снова.

На бумаге были выведены простым карандашом десятки кошек, стилизованных под персонажей манги. Рядом с каждым животным было написано имя, обозначен пол, примерный возраст. Мелким почерком прописывались особенности характера или привычки.

— Вот, точно! Без кошачьего семейного *древа* никуда, — обрадованно воскликнул Гнездо.

Кошачье... семейное древо? Не родословная, а именно древо?

Юмэ достала из кармана фартука красный магнит и прикрепила лист к белой дверце старенького холодильника. Я уставился на схему, словно желал запечатлеть ее взглядом. Всего там было семнадцать котов, расположенных в списке следующим образом:

1. Рыжие: Мамэтаро, Дайдзиро, Ёсиро.
2. Классические кидзитора: Президент, Управляющий.
3. Хативарэ (двухцветные): Тото, Коко, Сёта.
4. Черные: Бати, Попп, Стинг.
5. Белые: Королева, Бриф.
6. Черепаховые: Анэго, Руко.
7. Сабатора: Муку.
8. Трехцветные: Эри*.

— Ага! Значит, та была Королевой, — Гэта-рок закинул руки за голову и непринужденно улыбнулся Юмэ.

* Для тех, кто путается в окрасах: 1) рыжие — светлые, «солнечные» коты; 2) кидзитора — полосатые, темно-коричневые с черным, напоминают фазана; 3) сабатора — серебристо-черные, с узором скумбрии; 4) черепаховые — почти всегда самки, шерсть у них переплетена с рыжим и черным, глаза часто медово-желтые. *Прим. авт.*